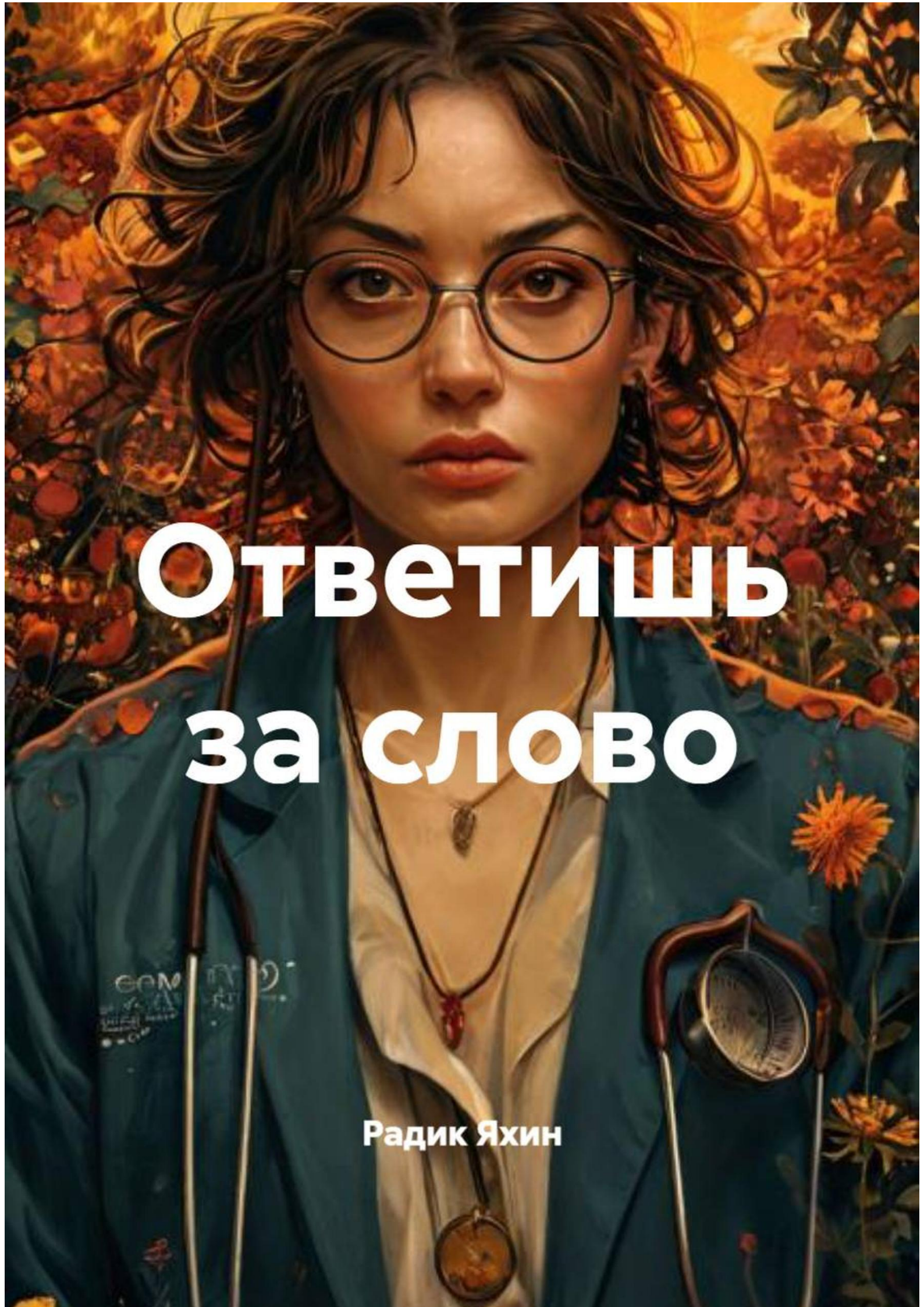

A detailed oil painting of a woman with curly brown hair and round glasses, wearing a teal doctor's coat over a white shirt. A stethoscope is draped around her neck, and a reflex hammer is in her right hand. She is surrounded by vibrant autumn leaves and flowers. The title is written in large white Cyrillic letters across the center.

Ответишь за слово

Радик Яхин

Радик Яхин

Ответишь за слово

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Ответишь за слово / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

«Ответишь за слово» — психологический роман о пути от токсичных отношений к обретению себя. История Глории, талантливого врача, разворачивается как напряжённая драма: яркая влюблённость в обаятельного Райли постепенно превращается в ловушку абьюза. Сначала — цветы на пороге, романтические уикенды и клятвы в вечной любви. Затем — контроль, манипуляции, угрозы и потеря себя. Глория проходит через изоляцию от близких, давление, физическое и эмоциональное насилие, пока не находит силы уйти — и начать долгий путь исцеления. Роман показывает, как распознать токсичные отношения на ранних этапах, как вырваться из них и как заново научиться доверять — себе и другим. Это история о травме и исцелении, о страхе и свободе, о том, как взять ответственность за свою жизнь и перестать «отвечать за чужие слова».

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Ответишь за слово

Глория зашла в лавку, чтобы купить букет для коллеги, которая защитила диссертацию. Она терпеть не могла эти дурацкие корпоративные ритуалы, но традиция есть традиция – без цветов являться на работу в понедельник значило прослыть чёрствой сухаркой. Она уже протянула руку к скромным хризантемам, когда услышала голос:

– Для такой женщины – только розы. Красные. Двадцать одна штука.

Она обернулась. Парень за прилавком улыбался так, будто знал её сто лет. Светлые волосы падали на лоб, глаза были почти прозрачными – серо-голубыми, как вода в горном озере. На фартуке остались следы земли и зелени, но это почему-то не выглядело неряшливо, скорее – по-домашнему.

– Простите? – Глория подняла бровь. – Мы знакомы?

– Пока нет. – Он вышел из-за прилавка, вытирая руки о фартук. – Но я уже знаю, что вы не любите хризантемы. Они пахнут кладбищем. Я прав?

Она хотела возразить, но вдруг поняла, что он прав. Она действительно всегда избегала этих цветов, просто не признавалась себе в этом.

– Откуда...

– Вы поморщились, когда на них посмотрели. Совсем чуть-чуть, вот здесь. – Он коснулся пальцами собственной переносицы. – А розы – это страсть. Или защита. Смотря кому дарить.

Глория рассмеялась. Смех вышел каким-то чужим – она давно так не смеялась.

– Вы всегда анализируете покупателей?

– Только красивых. – Он сказал это просто, без намёка на флирт, как констатировал факт: трава зелёная, небо синее, вы красивая. – Меня Райли зовут. Можно просто Рай.

– Глория.

– Глория... – Он повторил её имя, будто пробуя на вкус. – Это же «слава»? По-латыни?

– Моя мама изучала древние языки. – Она почувствовала, что краснеет. Глупо, ей тридцать два года, она врач, кандидат наук, а краснеет как школьница.

– Ей повезло с именем для дочери. – Он уже собирал букет, двигаясь быстро и точно. – А мне с именем не повезло. Райли – это «мужественный». А я цветы продаю. Ирония?

– Ничего ироничного. Моя бабушка говорила: настоящий мужчина тот, кто умеет растить красивое.

Он поднял на неё глаза, и в них мелькнуло что-то тёплое.

– Ваша бабушка мудрая женщина.

– Она умерла пять лет назад.

– Значит, она смотрит на вас и радуется. – Он протянул букет. – Держите. Двадцать одна роза – для самого важного выбора в жизни.

– Откуда вы знаете, что у меня выбор?

– У всех выбор, Глория. Просто не все это понимают.

Она заплатила и вышла на улицу, сжимая в руках тяжёлый букет. Красные розы пахли так сильно, что кружилась голова. Или кружилась не от роз. Она обернулась. Райли стоял в дверях лавки, опершись плечом о косяк, и смотрел ей вслед. Когда их взгляды встретились, он улыбнулся и помахал рукой.

Глория отвернулась и почти побежала к машине.

Через два дня она забыла о цветочном мальчике. Вернее, старалась забыть. В конце концов, мало ли вокруг симпатичных парней? Она работала в городской клинике, принимала по

двадцать пациентов в день, писала статью для медицинского журнала и пыталась не думать о том, что в тридцать два года у неё нет ни мужа, ни детей, ни даже кота.

В среду она выскочила из клиники в перерыв, чтобы купить кофе. Очередь в кофейне была привычно длинной, и она уже приготовилась ждать, когда кто-то коснулся её плеча.

– Глория? Какая встреча!

Он стоял перед ней в тёмно-синей куртке, с бумажным стаканчиком в руке. Без фартука и без земли под ногтями он выглядел иначе – старше, что ли. Или просто серьезнее.

– Райли? – Она моргнула, проверяя, не кажется ли ей. – Вы тут работаете?

– Нет, просто зашёл за кофе. – Он улыбнулся той же открытой улыбкой. – А вы?

– Тоже. – Она показала на очередь. – Если когда-нибудь дождусь.

– Берите мой. – Он протянул стаканчик. – Я только отпил глоток. Честно. Или могу заказать вам новый.

– Нет, что вы... – Она отступила на шаг.

– Глория, это просто кофе. – Он говорил мягко, без нажима. – Я не маньяк, честное слово. Просто увидел вас и обрадовался. Вы мне запомнились.

– Запомнилась?

– Очень. – Он посмотрел на неё так, что у неё перехватило дыхание. – Знаете, бывает, встретишь человека и понимаешь: этот не сотрётся из памяти. Ни через год, ни через десять лет.

– Вы так говорите, будто мы знакомы вечность.

– А разве нет? – Он улыбнулся. – Ладно, я пойду. А вы стойте в очереди и пейте кислый кофе. Или возьмите мой и выиграйте полчаса жизни.

Она взяла стаканчик. Сама не поняла, как это произошло. Просто пальцы сомкнулись на тёплом картоне.

– Спасибо.

– Не за что. – Он развернулся, но на полпути к двери остановился и обернулся. – Глория! А вы верите в судьбу?

– В смысле?

– В то, что встречи не случайны? Что если мы видим кого-то дважды за три дня – это знак?

– Я врач. – Она пожала плечами. – Я верю в статистику.

– А я верю в знаки. – Он улыбнулся и вышел.

Глория смотрела, как он идёт по улице, ловко лавируя между прохожими. Солнце светило ему в спину, и казалось, что он растворяется в этом свете. Она отпила кофе. Американский, без сахара, с каплей сливок. Именно так она любила.

Откуда он знал?

Он позвонил через три дня. Глория даже не удивилась, когда увидела незнакомый номер на экране – она почему-то ждала этого звонка.

– Глория? Это Райли. Из цветочного. – Голос в трубке звучал взволнованно. – Я понимаю, что это наглость, но... Вы не хотите поужинать со мной сегодня?

Она хотела отказаться. У неё была гора отчётов, несделанная статья и плановая уборка. Вместо этого она услышала собственный голос:

– Хочу.

Он назвал адрес – маленький ресторанчик в старом городе, о котором Глория никогда не слышала. «Уютное место с живой музыкой. Вам понравится», – сказал он и отключился, не дав ей возможности передумать.

Она потратила час на сборы, хотя обычно собиралась за пятнадцать минут. Перемерила три платья, дважды перекрасила губы и в итоге опоздала на десять минут.

Он ждал у входа с маленькой орхидеей в горшке.

– Это вам. – Он протянул цветок. – Живой. Чтобы цвёл и напоминал, что есть красивые вещи.

– Райли, вы невозможны. – Она взяла орхидею и почувствовала, как глупая улыбка расплзается по лицу.

– Знаю. – Он открыл дверь, пропуская её вперёд. – Но вы же пришли.

Внутри действительно оказалось уютно. Красный кирпич на стенах, свечи в тяжёлых подсвечниках, пианино в углу, за которым сидел пожилой мужчина и играл что-то джазовое. Райли выбрал столик в нише, полускрытый от чужих глаз.

– Вы здесь часто бываете? – спросила Глория, оглядываясь.

– Нет. – Он разлил вино по бокалам. – Но когда искал место для первого свидания, понял: здесь правильно.

– Почему?

– Потому что здесь никто не слышит чужих разговоров. Можно говорить о чём угодно. Даже о страшном.

Она подняла на него глаза. В свете свечей его лицо казалось мягче, моложе. Или это вино так действовало?

– О страшном? – переспросила она. – А у вас есть страшное?

– У всех есть, Глория. – Он отпил вино. – Просто не все готовы рассказывать. А я сегодня готов. Если вы хотите слушать.

– Хочу.

И он рассказал. О детстве без отца, о матери-одиночке, которая работала на трёх работах, чтобы вырастить сына. О том, как в десять лет мать привела в дом отчима, который пил и поднимал руку. О том, как в пятнадцать он сбежал из дома и два года жил на улице, пока не попал в приют. О том, как выучился на флориста, потому что цветы – это единственное красивое, что было в его жизни.

Глория слушала и чувствовала, как внутри поднимается тёплая волна. Она всегда хотела кого-то спасать. Для того и пошла в медицину. Но пациенты – это работа, дистанция, профессиональная вежливость. А здесь сидел живой человек с болью в глазах, и он доверял ей эту боль.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросила она тихо.

– Потому что вы – первая, кто спросил. – Он взял её руку в свою. – Все видят цветочного мальчика с глупой улыбкой. А вы увидели человека. Спасибо.

Она не отняла руки.

Утром в субботу Глория проснулась от звонка в дверь. Спросонья она решила, что это курьер с лекарствами – она заказывала новые противоастматические препараты для клиники. Накинула халат, сунула ноги в тапки и поплелась открывать.

На пороге никого не было.

Только огромный букет бело-розовых орхидей стоял у двери, перевязанный атласной лентой. К букету была приколота записка. Глория развернула дрожащими пальцами: «Ты – как свет в тумане. Р.»

Она внесла цветы в квартиру и долго стояла над ними, не зная, что делать. Орхидеи пахли едва уловимо – нежно, сладко, немного тревожно. Она достала телефон, нашла вчерашний номер.

– Это безумие, – сказала она, когда он ответил. – Такие цветы стоят целое состояние.

– Ты стоишь больше. – Его голос звучал хрипловато, будто он только проснулся. – Тебе нравится?

– Они... Они невероятные. Райли, но зачем?

– Затем, что я вчера не спал. Думал о тебе. О том, как ты слушала. Как смотрела. – Пауза. – Я давно не чувствовал себя таким... живым.

– Я тоже, – призналась она тихо.

– Тогда встретимся сегодня? – В его голосе появилась улыбка. – Я покажу тебе место, где цветы растут на стенах.

Она согласилась. А когда положила трубку, поймала себя на том, что улыбается в пустоту. Орхидеи на столе казались живым доказательством того, что это не сон. Что кто-то действительно думал о ней, выбирал, тратил деньги, писал записку.

Последние два года Глория встречалась только с работой. Пациенты, отчёты, конференции, снова пациенты. Иногда она ловила себя на мысли, что разучилась чувствовать. Что внутри образовалась пустота, которую ничем не заполнить.

А теперь пустота заполнялась цветами.

В воскресенье Глория встретила Лизой. Подруги они были с института, и хотя жизнь развела их по разным сферам – Лиза работала в рекламе, а Глория лечила людей – они старались видеться раз в неделю. Обычно пили кофе и обсуждали всё подряд.

– Ты светишься, – заметила Лиза, едва они сели за столик. – Влюбилась, что ли?

Глория покраснела. Это было глупо и по-детски, но она покраснела.

– Есть один... цветочный мальчик.

– Цветочный мальчик? – Лиза отложила ложку. – Рассказывай.

И Глория рассказала. О встрече в лавке, о кофе, об ужине, об орхидеях. Чем больше она говорила, тем шире становилась улыбка Лизы.

– Глория, это сказка, – сказала подруга, когда она закончила. – Прямо как в кино. Красивый, внимательный, с тяжёлым прошлым и цветами по утрам.

– Правда? – Глория почувствовала облегчение. – А мне казалось, что это слишком...

– Слишком что?

– Слишком быстро. Слишком идеально.

Лиза на секунду задумалась. Потом отпила кофе и посмотрела на подругу внимательно.

– Знаешь, что я тебе скажу? Я рада за тебя. Правда. Ты заслужила счастье. – Пауза. – Но ты спросила моё мнение, и я скажу. Он слишком идеален. Слишком быстро вошёл в доверие. Слишком много открылся в первый же вечер. Будь осторожна.

– Лиза!

– Я не говорю, что он плохой. Я просто говорю: притормози. Дай себе время понять, кто он на самом деле.

– Ты всегда видишь плохое.

– Нет, я всегда вижу риски. Это моя работа. – Лиза улыбнулась, смягчая слова. – Просто обещаю тебе, что не исчезнешь. Что будешь рассказывать. Хорошо?

– Хорошо, мамочка. – Глория закатила глаза, но внутри занозой засело: слишком идеален. Слишком быстро.

Вечером она перечитывала записку от Райли. «Ты – как свет в тумане». Слишком красиво для обычного цветочного мальчика? Или она просто отвыкла от красоты?

Она убрала записку в ящик стола и решила не думать о плохом. Лиза всегда была пере-страховщицей. Райли просто хороший человек, который нашёл в ней родственную душу. Разве такое невозможно?

Разве она не заслужила немного счастья?

Райли позвонил в четверг и сказал, что арендовал коттедж у озера. «На выходные. Только ты и я. Природа, звёзды, никаких пациентов и цветочных горшков». Глория колебалась ровно

три секунды. Потом подумала о горе отчётов, о бесконечных анализах, о серых стенах клиники – и согласилась.

Они выехали в пятницу вечером. Райли вёл машину аккуратно, без лихачества, одной рукой держа руль, второй – сжимая её ладонь. За окном мелькали огни города, потом потянулись тёмные поля, потом лес. Глория смотрела на его профиль, освещённый приборами, и думала: как ей повезло.

Коттедж оказался маленьким деревянным домом прямо у воды. Внутри пахло деревом и сухими травами, на столе ждала бутылка вина и фрукты, а в камине уже горел огонь.

– Ты всё подготовил? – удивилась она.

– Я старался. – Он обнял её сзади, уткнувшись носом в макушку. – Чтобы ты почувствовала себя дома.

– Но это не мой дом.

– Может, когда-нибудь станет.

Она повернулась и посмотрела на него. В свете камина его глаза казались тёмными, почти чёрными.

– Ты слишком быстро, – прошептала она.

– Жизнь коротка, Глория. Я не хочу терять время. – Он поцеловал её – легко, почти невесомо. – Ты не представляешь, как долго я тебя искал.

Ночь они провели у камина, разговаривая обо всём и ни о чём. Райли рассказывал о цветах, о том, как понимает их язык, как чувствует настроение каждого растения. Глория слушала и удивлялась: рядом с ним время текло иначе. Не было ни спешки, ни тревоги, только тёплое, тягучее спокойствие.

Утром он разбудил её завтраком в постель. Яичница подгорела, кофе оказался слишком крепким, но Глория не помнила, когда последний раз чувствовала себя такой счастливой.

– Пойдём гулять, – сказал он, когда она доела. – Я покажу тебе озеро.

Они бродили по берегу, собирали камешки, кормили уток. Райли нашёл полянку с земляникой и кормил её ягодами с ладони. А вечером, когда солнце садилось за деревья и вода становилась розовой, он встал на колени прямо на мокрый песок.

– Глория.

– Что ты делаешь? Вставай, ты промокнешь.

– Подожди. – Он взял её руки в свои. – Я не делаю предложение. Я просто хочу сказать. Ты – мой дом. Я кочевал всю жизнь, но с тобой впервые захотел остановиться.

У неё защипало глаза.

– Райли...

– Ничего не говори. Просто знай.

Он поднялся, отряхнул колени и повёл её обратно в дом. А у неё внутри всё пело.

В субботу вечером они ужинали при свечах. Райли пожарил мясо на открытом огне, достал вторую бутылку вина. Глория рассказывала о работе, о сложных пациентах, о том, как трудно иногда сохранять профессиональное спокойствие.

– Ты сильная, – сказал он, разливая вино. – Не то что некоторые.

– В смысле?

– Да так... – Он помрачнел. – Бывшая моя. Тоже работала в медицине, медсестрой. Думал, поймёт, поддержит. А она...

– Что?

– Стервой оказалась. Извини за грубость, но по-другому не скажешь. Пыталась уничтожить меня. Контролировала каждый шаг, проверяла телефон, устраивала сцены. А в итоге сама же и ушла к другому, сказав, что я «псих ненормальный».

Глория слушала и чувствовала, как внутри закипает гнев. Не на него – на ту, незнакомую женщину, которая посмела ранить этого человека.

– Она дура, – твёрдо сказала она. – Ты заслуживаешь лучшего.

– Теперь я это знаю. – Он улыбнулся, но улыбка вышла кривой. – Ты, по крайней мере, не такая. Ты добрая. Настоящая.

Он потянулся за ножом, чтобы разрезать мясо, и Глория заметила, как побелели костяшки его пальцев. Нож вошёл в мясо с глухим стуком. Райли резал слишком сильно, слишком резко, будто мясо было врагом.

– Ты в порядке? – спросила она осторожно.

– А? Да, конечно. – Он расслабил руку. – Задумался просто. Вспомнил, как она меня... неважно. Давай не о ней.

Они не говорили о бывшей весь остаток вечера. Но когда Глория ложилась спать, в голове всплыла картинка: его рука, сжимающая нож. И странный блеск в глазах, когда он говорил «пыталась уничтожить меня».

Она отогнала мысль. Просто воспоминания всколыхнули боль. С кем не бывает.

Через неделю после возвращения с озера Райли предложил вместе выбрать ей новое пальто.

– Твоё старое какое-то... не твоё, – сказал он, когда они проходили мимо торгового центра. – Пойдём посмотрим?

– Моё пальто нормальное. – Глория запахнулась плотнее. – Мне в нём тепло.

– Тепло – не главное. Главное – чтобы оно тебя отражало. А ты – красивая, стильная, современная. А пальто как у пенсионерки.

Она хотела обидеться, но поймала себя на мысли, что он прав. Пальто она купила года три назад, в спешке, потому что старое порвалось. Оно было серым, бесформенным, и правда – старило.

– Ладно, – сдалась она. – Пошли.

В магазине Райли превратился в другого человека. Он ходил между вешалками, критически оглядывал каждую модель, отбраковывал одну за другой.

– Это слишком ярко, ты затеряешься. Это слишком тёмное, сделает тебя мрачной. Это фасон не твой, ты в нём расплывёшься.

– Откуда ты знаешь, что мой фасон? – спросила Глория, начиная раздражаться.

– Я вижу тебя. – Он подошёл и взял её за плечи, разворачивая к зеркалу. – Смотри. У тебя тонкая талия, длинная шея, изящные запястья. Тебе нужно подчёркивать это, а не прятать. Вот, примерь это.

Он протянул ей тёмно-синее пальто с поясом. Глория послушно надела. В зеркале отразилась женщина, которую она не узнавала: элегантная, стройная, дорогая.

– Видишь? – Райли стоял сзади, положив руки ей на плечи. – Это ты. Настоящая.

Она купила пальто. И сапоги, которые он выбрал. И шарф в тон. Дома, разбирая покупки, Глория поймала себя на странном чувстве: она будто не выбирала, а соглашалась. Но ведь он прав, правда? Он просто помог ей увидеть себя лучше.

Вечером она надела новое пальто и покрутилась перед зеркалом. Красиво. Действительно красиво. Так почему внутри сидел маленький червячок сомнения?

Потому что ты не привыкла к хорошему, сказала она себе. Отвыкла от мужского внимания. Расслабься и получай удовольствие.

Она расслабилась. И получила.

В следующий вторник Глория собиралась встретиться с подругами. Лиза организовала девичник по случаю своего повышения – собирались в новом баре, обещали танцы до утра. Райли знал об этом, он даже обрадовался, когда она сказала.

– Конечно, иди, развейся. – Он поцеловал её в висок. – Только не напивайся сильно, а то я буду волноваться.

Она поцеловала его в ответ и поехала на работу. А в пять вечера, когда она собиралась домой переодеваться, пришло сообщение от Лизы: «Ты где? Мы уже в баре, ждём!»

Глория нахмурилась и набрала подругу.

– Лиза, мы же в восемь договаривались.

– В восемь? – Голос Лизы звучал удивлённо. – Глория, я тебе вчера писала – перенесли на шесть, потому что у Кати няня только до девяти. Ты что, не читала?

– Я... – Она полезла в переписку. Сообщение от Лизы действительно было: «Девчонки, переносим на 18:00!» Отправлено вчера в 14:30. Но Глория его не видела. Как будто... как будто кто-то его удалил, пока она спала.

– Глория? Ты там?

– Да, я... я перепутала. Прости, я сейчас. Часа через полтора доберусь.

– Ну ты даёшь. Ладно, ждём.

Она положила трубку и уставилась в телефон. Сообщение было. Она точно помнила, что вчера вечером проверяла переписку – и этого сообщения не было. Но вот оно, датировано вчерашним днём.

Райли заглянул в комнату, когда она собирала сумку.

– Ты чего такая взвинченная?

– Да Лиза говорит, что они перенесли встречу. А я сообщение не видела.

– Может, пропустила? – Он пожал плечами. – С кем не бывает. Ты едешь?

– Еду. – Она чмокнула его в щёку. – Не скучай.

– Не буду. – Он улыбнулся. – Развлекайся.

В баре она пыталась расслабиться, но мысль о пропавшем сообщении не отпускала. Она достала телефон, проверила ещё раз – нет, всё на месте. Значит, она просто не заметила. С кем не бывает?

Лиза, когда они остались вдвоём в туалете, спросила:

– Всё хорошо? Ты какая-то замороженная.

– Да нормально. – Глория улыбнулась. – Устала просто.

– Смотри мне. – Лиза внимательно посмотрела на неё. – Тот цветочный мальчик не обижает?

– Нет, что ты. Он замечательный.

– Тогда почему у тебя глаза грустные?

Глория не знала, что ответить. Потому что глаза не были грустными. Правда.

Через два дня они поссорились впервые. Глория задержалась на работе – поступил тяжёлый пациент, пришлось задержаться на три часа. Она отправила Райли сообщение, но он не ответил. А когда она вернулась домой в одиннадцатом часу, он сидел на кухне с каменным лицом.

– Ты где была?

– Я писала. – Она показала телефон. – Пациент сложный, я не могла уйти.

– Ты писала в шесть. Сейчас одиннадцать. – Он не повышал голос, но в тишине кухни он звучал как приговор. – Четыре часа, Глория. Я думал, с тобой что-то случилось.

– Прости, я правда не могла. – Она подошла, чтобы обнять его, но он отстранился.

– Ты могла позвонить.

– Занято было. Я делала срочные анализы.

– Всегда есть минута. Всегда. – Он встал и пошёл в спальню. – Я лягу. Устал волноваться. Она осталась на кухне одна, сжимая в руках телефон. Чувство вины накрыло с головой. Он прав. Надо было позвонить. Надо было найти минуту. Он волновался, переживал, а она даже не подумала.

Утром она проснулась от запаха кофе. Райли стоял у кровати с подносом: круассаны, свежевыжатый сок, и на отдельной тарелочке – стихи, написанные от руки на красивой бумаге.

– Прости меня, – сказал он тихо. – Я вчера накричал. Не имел права. Ты работаешь, ты спасаешь людей, а я как дурак ревную тебя к работе.

– Райли...

– Прочитай. – Он кивнул на стихи. – Я всю ночь писал.

Она взяла листок. Стихи были корявые, неумелые, но такие искренние. О том, как он боится её потерять, как она стала для него всем, как он хочет научиться доверять.

– Ты правда это написал?

– Правда. – Он сел на край кровати. – Я дурак, Глория. У меня травма после бывшей, я всё время жду подвоха. Но с тобой по-другому. Ты не такая. Я буду учиться. Обещаю.

Она обняла его, чувствуя, как слёзы текут по щекам. Он такой ранимый, такой открытый. Как можно на него сердиться?

Вечером к двери доставили десять красных роз. Записка гласила: «За каждый час моего дурацкого молчания – цветок. Прости ещё раз».

Глория поставила розы в вазу и почувствовала себя почти счастливой. Почти.

Через месяц их отношений Глория впервые ощутила настоящий холод. Не тот, от которого можно укрыться пледом, а тот, что проникает под кожу и остаётся там.

Они сидели в кафе, и Глория отвечала на сообщение коллеги. Павел Марков, заведующий отделением, просил прислать данные по вчерашнему пациенту. Она быстро набрала ответ и убрала телефон, но Райли уже смотрел на неё странным взглядом.

– Кто это?

– Коллега. По работе.

– По работе в субботу вечером? – Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. – Дашь посмотреть?

– Что посмотреть?

– Переписку. – Он протянул руку. – Просто чтобы я убедился.

Глория отодвинула телефон.

– Ты серьёзно?

– А что такого? – Он пожал плечами. – Если скрывать нечего – покажи.

– Райли, это мой телефон. Моя переписка. Я не обязана тебе ничего показывать.

– Значит, есть что скрывать? – Голос стал тише, но от этого страшнее. – Этот коллега – мужчина?

– Да, мужчина. Он мой заведующий, ему шестьдесят лет, у него трое детей и внуки.

– И что? Возраст не помеха.

Глория почувствовала, как закипает гнев.

– Ты не шутишь? – Она смотрела на него и не узнавала. – Ты действительно думаешь, что я могу с кем-то...

– Я ничего не думаю. Я просто прошу показать переписку. – Он говорил спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась сталь. – Если для тебя это проблема, значит, наши отношения для тебя ничего не значат.

– Это шантаж?

– Это доверие, Глория. Я тебе доверяю. Я пустил тебя в свою жизнь, рассказал всё. А ты отворачиваешь телефон, как будто я чужой.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается. Он прав? Она действительно ведёт себя подозрительно? Но ведь это её телефон, её личное пространство...

– Я не буду показывать переписку, – сказала она твёрдо. – Это моя граница.

Райли медленно встал. Положил на стол деньги за кофе. Посмотрел на неё сверху вниз.

– Значит, у тебя есть границы от меня. А я думал, мы – одно целое. – Он развернулся и пошёл к выходу.

Глория сидела за столиком, чувствуя, как дрожат руки. Она хотела побежать за ним, объяснить, но что-то внутри удерживало. Он не прав. Он точно не прав. Так почему она чувствует себя виноватой?

Он не звонил весь вечер. Глория написала сама – сухое «ты как?». Прочитано. Без ответа.

Ночью она не спала. Ворочалась, смотрела в потолок, вспоминала его глаза в кафе. Он был обижен. Сильно обижен. Может, она действительно перегнула? Может, проще было показать эту дурацкую переписку и забыть?

В два часа ночи пришло сообщение.

Фото. Рука, с запястья которой текла кровь. Тонкая красная линия, разрезающая кожу.

И текст: «Ты заставила меня так почувствовать. Теперь ты довольна?»

Глория закричала. Вскочила с кровати, набрала его номер, но он сбросил. Набрала снова – сбросил. Тогда она оделась, вызвала такси и поехала к нему, молясь, чтобы не было поздно.

Дверь открылась не сразу. Минуты через три он появился на пороге – бледный, с мокрыми волосами, в футболке с длинным рукавом.

– Ты приехала, – сказал он тихо.

– Покажи руку.

– Не надо.

– Покажи, я сказала!

Он медленно закатал рукав. На запястье краснела царапина – неглубокая, уже переставшая кровоточить. Глория выдохнула – врачом она понимала, что это не опасно, но внутри всё тряслось.

– Ты с ума сошёл? – закричала она. – Ты зачем это сделал?

– Ты меня бросила. – Он смотрел на неё глазами побитой собаки. – Ты ушла и не звонила. Я думал, ты не вернёшься.

– Я не бросала тебя! Это ты ушёл из кафе!

– Потому что ты меня оттолкнула.

Глория закрыла лицо руками. Она не понимала, что происходит. Ещё вчера всё было хорошо, а сегодня он стоит перед ней с порезанной рукой и говорит, что она виновата.

– Райли, – сказала она устало, – тебе нужна помощь. Серьёзная помощь.

– Ты моя помощь. – Он шагнул к ней. – Ты единственная, кто меня держит. Без тебя я разваливаюсь. Ты видишь? Ты видишь, что ты для меня значишь?

Она обняла его. Потому что больше ничего не оставалось делать. Потому что он плакал у неё на плече и дрожал. Потому что если она уйдёт сейчас – он сделает это снова. Глубже. По-настоящему.

Она осталась на ночь. Утром она перевязала ему руку, сварила кофе и поехала на работу. По дороге она позвонила Лизе.

– Лиза, я не знаю, что делать.

– Что случилось?

– Он... – Глория замолчала. Как объяснить? Как сказать подруге, что её новый парень порезал руку из-за ссоры о телефоне? – Он очень переживает. Слишком сильно.

– Глория, – голос Лизы стал серьёзным, – это называется манипуляция. Ты понимаешь?

– Он просто больной человек.

– Он манипулятор. Это разные вещи.

– Ты не знаешь его.

– Я знаю тебя. И я вижу, что с тобой происходит. Ты похудела, ты плохо спишь, ты постоянно в стрессе. Это не любовь.

Глория положила трубку. Лиза не понимает. Никто не понимает. Райли просто раненый человек, которому нужна поддержка. Она даст ему эту поддержку. И всё наладится.

На приёме у психолога Глория сидела, сжимая в руках мокрый платок. Доктор Марков – тот самый, из-за которого началась ссора – слушал её молча, время от времени кивая. Она пришла к нему не как к коллеге, а как к специалисту. Ей нужно было мнение со стороны.

– Я боюсь его гнева, – призналась она. – Знаете, когда он злится, у него меняется лицо. Становится чужим. И я делаю всё, чтобы этого не случилось.

– Что именно вы делаете?

– Соглашаюсь. Не спорю. Показываю телефон, если просит. Говорю, где была и с кем.

– А раньше вы это делали?

– Нет. Раньше я была свободным человеком. – Она усмехнулась. – Дурацкое слово, да? «Свободным». Я думала, что свобода – это когда ты одна. А оказалось, что свобода – это когда ты не боишься.

Марков откинулся в кресле.

– Глория, вы умная женщина. Вы врач. Вы видели много пациентов с разными проблемами. Что бы вы сказали женщине, которая рассказывает вам такую историю?

– Я бы сказала... – Она замолчала. – Я бы сказала, что она в токсичных отношениях.

– Так скажите это себе.

– Но он не бьёт меня! – вырвалось у неё. – Он не поднимает руку, он не оскорбляет, он просто... он просто очень любит. Слишком сильно.

– Любовь не требует показывать телефон. Любовь не угрожает самоубийством при ссоре. Любовь не заставляет бояться.

– Я знаю. – Она закрыла лицо руками. – Я всё это знаю. Я сама учу пациентов распознавать абюз. Но когда это касается меня...

– Вы внутри системы. Со стороны всегда виднее.

– Что мне делать?

– Для начала – признать, что это не любовь. Это токсичная динамика. И дальше – решать, готовы ли вы в этом оставаться.

Глория вышла из кабинета раздавленной. Она знала, что Марков прав. Она видела таких пациентов – женщин с потухшими глазами, которые оправдывали мужей, находили причины, винили себя. Она никогда не думала, что окажется на их месте.

Вечером она не поехала к Райли. Написала сообщение: «Мне нужно побыть одной. Подумать».

Он ответил через минуту: «Если ты уйдёшь – я исчезну. Ты понимаешь это? Я без тебя не могу».

Она выключила телефон и проплакала всю ночь.

На следующий день она зашла к Маркову в кабинет уже как коллега. Принесла кофе, села напротив.

– Я не спала всю ночь. Думала.

– О чём?

– О том, почему я это терплю. – Она помешала кофе. – У меня же было всё: работа, друзья, квартира. Я была счастлива. Ну, не то чтобы счастлива, но спокойна. А теперь я трясусь над телефоном и боюсь сказать лишнее слово.

– И почему?

– Потому что он сделал меня центром своей жизни. – Она подняла глаза на Маркова. – Понимаете? Я ему нужна как воздух. И если я уйду – он действительно может что-то с собой сделать. Я не смогу жить с этим грузом.

– Это не ваш груз. Это его выбор.

– Логически я понимаю. А эмоционально – нет.

Марков помолчал, потом сказал:

– Знаете, что самое страшное в абьюзерах? Они не приходят с табличкой «я буду тебя разрушать». Они приходят с цветами и стихами. Они говорят то, что вы хотите услышать. Они становятся вашим наркотиком. А потом, когда вы уже зависимы, начинают дозировать счастье.

– Вы думаете, он это делает специально?

– Не обязательно специально. Часто они сами не понимают, что творят. У них тоже травма, тоже боль. Но это не меняет результата. Результат – вы боитесь, вы худеете, вы теряете себя.

Глория допила кофе и встала.

– Спасибо, Павел. Я подумаю.

– Глория. – Он остановил её у двери. – Помните: спасать утопающих – работа спасателей. А вы – врач. Ваша работа – лечить. Себя в том числе.

Она кивнула и вышла.

В воскресенье она написала Райли длинное сообщение. Потом стёрла. Написала короткое. Тоже стерла. В итоге отправила просто: «Нам нужно поговорить».

Он приехал через час с букетом её любимых орхидей.

– Я знал, что ты позовёшь, – сказал он с порога. – Я так скучал.

– Райли, сядь. Пожалуйста.

Он сел, но не на диван, а на пол у её ног. Положил голову ей на колени.

– Я слушаю.

– Я хочу сделать паузу.

Он замер. Потом поднял голову. В глазах было непонимание, как у ребёнка, которому сказали, что Деда Мороза не существует.

– Паузу? Зачем?

– Мне нужно подумать. Разобраться в себе.

– Ты уходишь от меня? – Голос дрогнул.

– Нет. Я прошу время.

Он молчал долго. Так долго, что Глория начала волноваться. Потом встал, подошёл к окну.

– Ты встретила кого-то?

– Нет!

– Тогда почему? Я плохой? Я обидел тебя? Скажи, я исправлюсь.

– Райли, дело не в тебе. Дело во мне. Я запуталась.

Он резко обернулся. Глаза были сухими, но странно блестели.

– Если ты уйдёшь – я исчезну. Ты понимаешь это? Без тебя мне незачем жить.

– Не говори так.

– Это правда. – Он подошёл ближе. – Ты – единственное хорошее, что было в моей жизни. Ты – мой свет. Если ты погаснешь, останется только тьма.

Глория смотрела на него и чувствовала, как решение тает. Как слова, которые она готовила, рассыпаются. Как внутри поднимается знакомая волна вины.

– Я не уйду, – услышала она свой голос. – Я просто хочу...

– Не надо паузы. – Он взял её руки. – Давай просто будем. Как раньше. Я буду лучше. Обещаю. Я пойду к психологу. Я всё сделаю. Только не оставляй меня.

Она обняла его. Потому что не могла иначе.

А ночью, когда он уснул, она лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Внутри было пусто. И страшно. И непонятно – почему она не смогла сказать «нет»?

Он исчез через три дня. Просто перестал отвечать на сообщения. Телефон был выключен. На работе сказали, что уволился неделю назад. В квартире, которую он снимал, никто не открывал дверь.

Глория сходила с ума. Она звонила каждый час, писала десятки сообщений, ездила к его дому и сидела в машине, глядя на тёмные окна. В голове крутились страшные картинки: он где-то лежит с порезанными венами, он прыгнул с моста, он...

На третий день она поехала в полицию.

– Заявление о пропаже? – уточнил дежурный. – Сколько дней не выходит на связь?

– Три.

– Трое суток взрослый человек не отвечает? Может, просто уехал?

– Он говорил о самоубийстве. – У неё дрожал голос. – Он угрожал, что исчезнет.

Дежурный вздохнул, но заявление принял. Сказал, что проверят больницы, морги. Сказал, что позвонят.

Она вернулась домой и сидела в темноте, обхватив колени руками. Орхидеи, которые он принёс в прошлый раз, завяли. Она даже воду не меняла.

Он появился на пятый день. Ночью, в двенадцатом часу. Глория уже не спала, просто лежала, глядя в стену, когда в дверь позвонили.

На пороге стоял Райли. С огромным синяком под глазом, с рассечённой губой, в грязной куртке.

– Прости, – сказал он и улыбнулся разбитым ртом.

Она зарыдала. Вцепилась в него, прижала к себе, затащила в квартиру.

– Где ты был?! Что случилось?! Я с ума сошла!

– Тише, тише. – Он гладил её по голове. – Я здесь. Я вернулся.

В квартире, при свете, его лицо выглядело ещё страшнее. Синяк расплзался на щеке, губа распухла, на скуле запёкшаяся кровь.

– Кто это сделал? – Она уже несла аптечку. – Кто тебя?

– Споткнулся в темноте. – Он поморщился, когда она прикоснулась к ссадине. – Упал.

– Райли, это не от падения. Это удар.

– Я же сказал – упал. – Голос стал твёрже. – Давай не будем.

Она замолчала. Обработала раны, приложила холод. Он сидел на диване, закрыв глаза, и молчал.

– Ты где был пять дней?

– Ездил к матери. – Он не открывал глаза. – Она в другом городе живёт. Захотел проведать.

– Почему не сказал?

– Боялся, что непустишь.

– Глупый. – Она обняла его, прижалась к груди. – Я так испугалась. Думала, ты...

– Я знаю. Прости. Больше не буду.

Она впустила его. Уложила спать. А утром, когда он ещё спал, рассматривала его лицо и думала: откуда синяк? Почему он врёт?

Но он вернулся. Он жив. Остальное неважно.

Он пролежал три дня. Сказал, что у него сотрясение, что кружится голова. Глория брала отгулы на работе, сидела с ним, варила бульоны, меняла компрессы. Он был тихий, покладистый, почти ребёнок.

На четвёртый день он сел на кровати и сказал:

– Я должен тебе кое-что сказать.

– Что?

– Я был у матери. Но не только. Я... – Он замолчал, подбирая слова. – Я пил эти дни. Сорвался. А когда пьяный – лезу в драки. Поэтому лицо.

Глория молчала.

– Я не хотел тебе говорить. Стыдно. – Он сжал её руку. – Но ты должна знать. Я не идеальный. Я срываюсь иногда. Но я пойду лечиться. Обещаю.

– Лечиться от чего?

– От зависимости. От... от всего. Я нашёл клинику. Хорошую. За городом. Хочу лечь на месяц.

– На месяц?

– Если не сейчас – никогда. – Он посмотрел на неё с такой мольбой, что сердце сжалось. – Ты подождёшь меня?

– Райли...

– Я знаю, что прошу многого. Но ты – единственная причина, по которой я хочу стать лучше. Не для себя – для тебя.

Она обняла его. Снова. И снова поверила.

Райли уехал в клинику через неделю. Глория провожала его на вокзале, стояла на перроне, пока поезд не скрылся из виду. Он обещал писать каждый день. Звонить по вечерам. Лечиться и становиться лучше.

Первые дни было странно. Тишина в квартире, пустота в постели, отсутствие сообщений каждые полчаса. Она ловила себя на том, что тянется к телефону, чтобы написать ему, и вспоминает: нельзя, он на терапии, у него забирают телефоны.

Через две недели пришло письмо. Обычное, бумажное, в конверте. Райли писал, что ему тяжело, что он срывается, но вспоминает её лицо и держится. Что терапевт сказал ему: «Вы зависимы не от веществ, вы зависимы от отношений». Что он работает над этим.

Глория плакала над письмом. Он старается. Ради неё.

Когда он вернулся через месяц – загоревший, похудевший, с короткой стрижкой – она бросилась ему на шею.

– Я так скучала.

– Я тоже. – Он поцеловал её. – Я так много понял. Прости меня за всё.

– Ты изменился?

– Я учусь.

Он устроился в другую цветочную лавку, подальше от центра. Сказал, что хочет начать всё сначала. Они снова встречались, снова гуляли, снова разговаривали ночами. Он стал мягче, спокойнее, перестал проверять её телефон и требовать отчётов.

Глория поверила. Наконец-то всё наладилось.

Она поймала себя на странной мысли через месяц после его возвращения. Мысль пришла ночью, когда он спал рядом, и она лежала, глядя в потолок.

«Может, это я виновата?»

Она прокручивала в голове их ссоры, его срывы, её попытки отстраниться. Что, если она действительно провоцировала его? Что, если он прав – она слишком много работала, мало уделяла внимания, прятала телефон?

Что, если он срывался, потому что она не давала ему нужной поддержки?

Утром она спросила его:

– Райли, тебе со мной трудно?

– С чего ты взяла?

– Ну... я много работаю. Устаю. Иногда бываю резкой.

– Ты – лучшее, что было в моей жизни. – Он сказал это просто, без пафоса. – Я без тебя не справляюсь.

– А если я что-то делаю не так?

– Глория, ты идеальна. Это я больной. – Он улыбнулся. – Но я лечусь. Ради тебя.

Она обняла его. Но мысль осталась. Засела глубоко, как заноза.

Может, она правда виновата? Может, если бы она была лучше, добрее, внимательнее – он бы не пил, не резал руки, не исчезал?

В следующий раз, когда он попросил показать телефон, она показала. Просто чтобы не расстраивать. Когда сказал, что её платье слишком короткое – переделась. Когда предложил не ехать к маме на день рождения – согласилась.

Так проще. Так спокойнее. Так он не срывается.

Она не заметила, как перестала быть собой.

– Твоя мать меня не любит, – сказал Райли однажды вечером. Они лежали на диване, смотрели фильм, и фраза упала как снег на голову.

– С чего ты взял?

– Я вижу. Как она смотрит. Как говорит. – Он переплёл свои пальцы с её. – Она считает, что я тебя недостойн.

– Мама просто переживает. Она всегда переживает.

– Она нагнетает напряжение. Ты замечала? После встреч с ней ты становишься другой. Холодной. Отстранённой.

Глория хотела возразить, но прикусила язык. Действительно, после визитов к матери она часто чувствовала себя вымотанной. Мама всегда задавала вопросы: как у вас, что он делает, почему вы не женитесь?

– Может, тебе стоит реже с ней видаться? – Райли говорил мягко, почти ласково. – Для твоего же спокойствия. Я вижу, как ты переживаешь после этих встреч.

– Это моя мама.

– Я знаю. – Он поцеловал её в висок. – Я не запрещаю. Я просто предлагаю подумать о твоём комфорте.

В следующие выходные, когда мать позвала на ужин, Глория сказала, что занята. Потом ещё раз. И ещё.

Мать звонила, спрашивала, всё ли хорошо. Глория отвечала, что да, просто много работы. Но внутри росла глухая тоска.

Однажды она встретила мать в магазине случайно. Та посмотрела на неё долгим взглядом и сказала:

– Ты похудела. Глаза потухшие. Что он с тобой делает?

– Мама, всё хорошо.

– Не ври мне. Я твоя мать. Я чувствую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.